

С. В. Голикова
**ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
 В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.***

Взгляд на уральскую горнозаводскую промышленность с точки зрения истории профессий — малоизученный, но весьма актуальный аспект исследований. Хотя материал по данной теме разбросан в многочисленных работах, прежде всего по технологии производства и материально-бытовому положению рабочих, проблематизирована она не была, и представления об эволюции даже ключевых фигур уральской промышленности — кричных и доменных мастеров, не говоря уже о менее значимых ее персонажах (например, плющильном или плотинном мастере) — в научных трудах весьма смутные. Изучение биографий мастеровых по комплексам «пенсионных дел» или составление коллективного «портрета» представителей той или иной специальности по сведениям формулярных списков, несомненно, прояснит картину. Однако начинать следует с первоосновы металлургического производства — профессии кузнеца. Обращение к ней позволит сквозь призму изменений профессионального статуса рассмотреть становление в крае крупного металлургического производства. Кузнецы приняли непосредственное участие в данном процессе не по своей воле. Казна использовала их в качестве готовой квалифицированной рабочей силы на первых уральских заводах, поскольку местным крестьянством был накоплен значительный опыт в сфере кустарной металлообработки. Таким образом кузнечное дело из промышленной деятельности «дозаводского» периода «перекочевало» в заводские цеха.

Сопоставление данных однотипного для начала и конца XVIII в. источника — подворных описей — позволяет выявить изменения в облике кузнецов, происшедшие на протяжении XVIII столетия. Подворные описи уральских приписных слобод, составленные в 1719 г.,¹ и

трех заводов (Златоустовского, Саткинского и Миасского) Златоустовского горного округа конца XVIII — начала XIX вв.² дают представление о возрасте, составе семьи и хозяйстве кузнецов.

Данные начала XVIII в. содержат ряд примеров семейного занятия кузнечным делом. В Багарякской слободе выделяются кузнецы Кокташевы. Три брата Кокташевых имели по кузнице, следующее поколение — их сыновья (7 человек) — также занималось кузнечным ремеслом. Это далеко не единичный случай. Анализ семей кузнецов Багарякской слободы и Колчеданского острога свидетельствует о том, что один из сыновей (или несколько) обязательно наследовал профессию отца и при достижении им преклонного возраста именно сыновья работали в кузнице. Отец-вдовец или мать-вдова передавали главенство в семье сыну-кузнецу, который не обязательно был старшим из детей. Отсутствие в описях 1719 г. семей, где бы нарушалось правило наследственной передачи профессии от отца к сыну, показывает, что в начале XVIII в. семья оставалась основным транслятором профессиональных навыков в кузнечном деле.

По материалам описей Златоустовского округа нельзя дать однозначного ответа на вопрос о роли семьи в приобретении человеком профессии кузнеца. Профессия могла передаваться от отца (дяди) к сыновьям (племянникам). Но таких семей было немного. Иногда оба брата (чаще во вдовьих семьях) становились кузнецами (возможно, их умерший отец тоже был кузнецом). В Саткинском заводе кузнец Сесюнин имел двух племянников, которые тоже были кузнецами. Но чаще заводские занятия мужской половины семьи не совпадали. Сыновья кузнецов могли не заниматься кузнечной работой, а в семье «не-кузнецов» появлялся сын-кузнец. Сочетание различных заводских занятий в семьях стало разнообразным. К примеру, в семье Дятловых отец был плотником, старший сын — кузнецом, а младший — поденщиком.

В описях 1719 г. признаком выделения хозяйства кузнецов было наличие в нем кузни-

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 72–75.

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела истории России XVI–XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН
 E-mail: istor@uran.ru

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-00462а «Горнозаводские люди России XVIII–XIX вв.: общественное сознание и быт»

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1927; РГИА Ф. 37. Оп. 16. Д. 249; ГАСО Ф. И-225. Оп. 1. Д. 6.

цы. О кузнице среди надворных построек описи Златоустовского округа сообщают только раз. Она находилась во дворе у жителя Миасского завода, который одновременно был записан кузнецом и углежогом. Сочетание двух занятий, одно из которых неквалифицированное, встречается на страницах источника и наводит на мысль, что владелец кузницы в качестве кузнеца «подрабатывал» на дому, а на заводе выполнял работу углежого. Почти полное отсутствие кузниц в хозяйствах кузнецов говорит о том, что рабочее место кузнеца переместилось из домашней кузницы в заводской цех. Обучение профессии стало происходить на заводе, вне рамок домохозяйства. Не факт рождения в семье кузнеца, а нужды производства определяли контингент обучающихся кузнечному делу. В качестве учителей и учеников могли выступать не связанные родственными узами люди.

Об изменении роли семьи в передаче профессии свидетельствует такой косвенный признак, как возрастной состав кузнецов. Распределение трудоспособного контингента семей в описях 1719 г. подчинялось определенному принципу: соотношение молодежи (до 30 лет), лиц зрелого возраста (до 50 лет) и престарелых было примерно 1:3:1, что свидетельствовало о семейной организации кузнечного производства. Возрастная структура кузнецов трех заводов Златоустовского округа уже не соответствовала «семейной» пропорции. По сравнению с началом столетия большинство из них (62 %) «помолодело» и находилось в возрасте от 19 до 34 лет. Таким образом, по сравнению с промысловыми районами ситуация с профессиональным обучением на заводах (место обучения, контингент обучающихся и обучаемых) коренным образом изменилась.

Материалы подворных описей начала XVIII в. свидетельствуют о признании кузнечного ремесла главным занятием семьи. Передача вдовствующими отцом или матерью главенства именно сыну-кузнецу указывает на высокий статус его профессии. Данные источников конца века не столь однозначны. В некоторых случаях вообще нельзя четко выделить домохозяйство кузнецов. Скорее речь идет о домохозяйстве, в котором жил кузнец (и наряду с ним — представители других заводских профессий). Переведенные на другой завод кузнецы, которые «проигрывали» старожильческому населению в условиях ве-

дения хозяйства, не гнушались пойти в зятья-«примаки».

По описям начала и конца XVIII в. видно, что на общем фоне семьи кузнецов не бедствовали, располагая в основном всем необходимым для существования. Кузнецы Багарякской слободы и Колчеданского острога имели земельный надел чуть выше среднего (2,2 десятины). Хозяйственными постройками они также были обеспечены лучше, чем «средний житель»: на 20 дворов, в которых они жили, приходилось 3 мельницы и 11 бань.

Для ведения домашнего хозяйства кузнецы Златоустовского округа располагали такими же, как и другие заводские жители, условиями. Простые семьи (родители-дети) имели избу, в половине случаев — баню. В конюшнях обычно держали лошадь и двух-трех коров. Сложные по составу семьи примерно в половине случаев располагали уже двумя избами, в дополнение к основным надворным постройкам имели амбары и сараи. Они обычно держали одну-две лошадей и двух-трех коров.

Столь же очевидно, что в начале и в конце века только единицы из кузнецов могли прокормиться одной кузнечной работой. В Багарякской слободе и Колчеданском остроге был лишь один кузнец, не имевший пашни и не заготавливавший сена, поэтому говорить об обособлении кузнечного ремесла от сельского хозяйства в приписной деревне Урала начала XVIII в. не приходится.

В начале XVIII в. уральские кузнецы были представителями крестьянского промысла, в конце века они превратились в промышленных рабочих. К этому времени на горнозаводских предприятиях насчитывалось около 160 специальностей разной квалификации (72 специализации рабочих и учеников, 37 — подмастерьев, 45 — мастеров), которые обслуживали 34 цеха. С учетом вспомогательных производств показатели были еще внушительнее: 50 цехов и 250 специальностей.³

Подобное разнообразие в пределах одного завода встречалось сравнительно редко. К таким «исключениям», несомненно, относился Нижнетагильский завод. Анализ сведений третьей ревизии (1763 г.), в которых указан род занятий его жителей, свидетельствует, что сочетание профессий отца и сына, родных братьев, дяди и племянника могло быть са-

³ Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале // Известия Государственной академии истории материальной культуры. № 134. М.: Л., 1935. С. 165.

мым разнообразным.⁴ Чаще всего профессии отца и сына в простых семьях совпадали. Это наблюдалось в 30 из 113 подобных семей (т. е. в 26,5%). В семьях, где работали отец и два сына, случаев совпадения становилось намного меньше — из 60 семей только в шести (т. е. в 10%). Сюда же следует отнести шесть семей, в которых совпадали занятия, но не квалификация отца и сыновей. При работающем отце и трех сыновьях (17 семей) их занятия совпали один раз. В четырех семьях, где работали отец и четыре его сына, совпадений не было. В «братских» семьях, при двух работающих братьях, число совпадений опять возрастало (24 случая из 65 или 37%), при трех работающих братьях — снова резко падало (в 3 случаях из 16), у четырех работающих братьев (4 семьи) — отсутствовало вообще. В более сложных по составу семьях (работают несколько братьев и их сыновья или дяди и их племянники, или отец, сын и внук) совпадений занятий также не наблюдалось.

Сопоставление этих данных с материалами третьей ревизии по Черноисточинскому заводу доказывает, что многообразие профессий на уровне семьи было уделом не только крупных и «разносторонних» предприятий.⁵ Самый большой процент совпадений у жителей этого завода также наблюдался в простых семьях при работающем отце и одном сыне — в 11 случаях из 25 (или в 44%). В девяти семьях (занятия указаны у отца и двух сыновей) совпадение наблюдалось всего дважды (с учетом разной квалификации — трижды). В трех семьях, где работали отец и три сына, совпадение их занятий наблюдалось один раз. В семьях, где работали два брата, процент совпадений также возрастал — из 9 семей в 4 (44,4%). При более сложном составе семьи (4 случая) на совпадение заводских занятий ее членов рассчитывать не приходилось.

Изучение занятий в семьях жителей Нижнетагильского и Златоустовского округов второй половины XVIII — начала XIX в. прежде всего показывает, что передача профессиональных знаний по наследству и увеличение среди горнозаводского населения доли потомственных рабочих являются двумя различными составляющими процесса профессионализации, каждая из которых требует отдельного рассмотрения.

М. В. Вагина на примере изучения заводского населения Южного Урала в последней трети XVIII в. показала, что уже в это время имел место «процесс срастания бывших крестьян с заводом», в результате которого «горнозаводской рабочий действительно воспринимал труд на заводе не как принудительную повинность, а как наследственную профессию».⁶ По наблюдениям А. Г. Козлова, в XVIII — начале XIX вв. к потомственным мастеровым относилась значительная часть рабочих казенных заводов.

Происходившее позднее, с начала XIX в., формирование населения Ижевского завода повторило описанный процесс и привело к аналогичным результатам. «Известно, — писали в 1885 г. министру внутренних дел его жители, — что Ижевский завод возник по инициативе правительства и для целей чисто государственных. В течение 120 лет заботы правительства были направлены к тому, чтобы приурочить население Ижевска к фабрике, сделать из крестьянина-земледелца фабричного рабочего, так сказать прикрепить его к фабрике. Недостаток для этой цели в первое время местного населения вызвал целый ряд мер для колонизации Ижевска путем рекрутских наборов. В течение многих лет (тридцатые и сороковые года) тысячи молодых крестьян из разных концов России отрывались от сохи и бороны и в образе рекрута-новобранца поселялись в Ижевске и приспособлялись к его фабрике. Неустанные заботы правительства увенчались полным успехом. Создан был завод, прочно стоящий, с многотысячным населением, вполне акклиматизировавшимся и обратившимся в особый тип фабричного, не городского фабричного-пролетария, а сельского, имеющего хотя самую мизерную, в виде полуразвалившегося домика и усадьбы к нему, собственность. Вплоть до увольнения ижевских рабочих от обязательных отношений к заводу... всякие заботы о существовании их всецело лежали на правительстве, которое в лице заводской администрации давало им работу, кормило, учило, лечило их, словом, со дня рождения каждого рабочего до могилы думало и забо-

⁴ Подсчеты автора по: ГАСО Ф. 643. Оп. 1. Д. 102.

⁵ Подсчеты автора по: ГАСО Ф. 643. Оп. 1. Д. 105.

⁶ Вагина П. А. Личное хозяйство и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последнюю четверть XVIII в. // Ученые записки Уральского государственного университета. № 72. Серия историческая. Вып. 9. Вопросы истории Урала (Проблемы экономической и социальной истории). Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 15, 16, 33.

тилось о его физическом и духовном существовании. В такой обстановке родилось и прожило несколько поколений».

В этом подробном описании, напоминающем скорее не прошение, а социологический трактат, рабочие ставили вопрос ребром: «Ведь... для целей государственных создан завод в таком виде, как он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, для тех же целей и было одностороннее развитие нас, наших способностей... Сто лет жизни, направленной из поколения в поколение в известную сторону, слишком глубоко отразилось на нас, их нельзя стереть или уничтожить несколькими годами». Тем более, что, по мнению ижевских рабочих, в пореформенное время «ни на волос не изменились те условия жизни, подчиняясь которым» они «крепко, крепче, нежели прежде», оказались привязанными к заводу. Просители хотели, чтобы власти поддержали их «высоконравственное и благородное стремление к труду», но оговаривались: «к труду в той сфере, в которой мы родились и воспитались и к которому привыкли».⁷ Ижевские рабочие были не одиноки в своих стремлениях. В аналогичных выражениях работники Каменского завода обращались к его администрации в 1888 г.: «Многолетняя практика по формовке и отливке артиллерийских снарядов, унаследованная от обязательных отношений, так сказать, сроднила нас с этим делом; обращаться в заводских работах сказанного цеха для нас есть насущная потребность, и мы были бы счастливы и премного благодарны горнозаводскому начальству».⁸ Поверенные жителей Саткинского завода в прошении 1891 г. отмечали: «Деды и прадеды наши, одним словом — с начала устройства нашего Саткинского завода, занимались, а также и мы, или иначе сказать наши доверители, привыкли заниматься местными работами при заводе неуклонно, какowymi и существуем».⁹ «Мастеровые со слезами на глазах ропщут на бога, — сообщали в 1896 г. из Воткинского завода, — что им приходится в силу необходимости бросать свои хозяйства и идти искать работу на стороне».¹⁰ После встреч с горнозаводским населением края в 1910-х гг. И. Х. Озеров выразил сущность происходяще-

го вполне определенно: «улитка, присосавшаяся к своему камню», «от которого не может оторваться».

Таким образом, и после падения крепостного права горнозаводской труд оставался основным источником существования «искусственно привязанного предыдущими историческими влияниями к горному промыслу, развитого им в исключительно одностороннем направлении» многочисленного горнозаводского населения. Принудительный профессиональный выбор ставил их судьбу в полную зависимость от развития данной отрасли промышленности.

Профессионализация в горнозаводской промышленности отражала дальнейший процесс разделения труда, но это была сословная (принудительная) профессионализация, при которой занятие рассматривалось прежде всего с точки зрения источника дохода, считалось обязательным, распространяясь на все сословие. В 1849 г. священник Кушвинского завода М. Суворов писал о тяжелой работе, на которую его жители были «приговорены судьбой» еще прежде своего рождения.¹¹ С ним был согласен священник Березовского завода А. Топорков, наблюдавший жизнь местных золотодобытчиков: «Тяжел и продолжителен труд этого чернорабочего люда, и в особенности для того огромного большинства населения, которое привыкло рыть и копать, перерывать и перекапывать землю, и искать в ней золото, в зной и холод, в дождь и слякоть, чуть не по колена в воде и грязи».¹² «Они собственно были работниками, рабами завода или фабрики, — определял положение горнозаводского населения Р. Попов. — Сам хозяин не мог дать им иного назначения; назначение их было уже определено законом».¹³ В полемическом запале публицист не договаривал, что распределение рабочей силы «внутри» производств и отдельных цехов оставалось прерогативой заводовладельца. Более точна, особенно в отношении пореформенного времени, следующая формулировка автора: «В среде горнозаводского населения сложился особый класс людей, живущих исключительно заводским трудом и свободный

⁷ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861–1904. Сборник документов. М.; Л., 1960. С. 277–280.

⁸ Там же. С. 433.

⁹ Там же. С. 287.

¹⁰ Там же. С. 294.

¹¹ АГО Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

¹² Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 42. С. 447.

¹³ Попов Р. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 342.

de jure, на самом же деле находящийся в полной зависимости от заводчиков».¹⁴

Влияние сложившейся ситуации на судьбу конкретного человека показывают мемуары П. П. Ермакова. В конце XIX — начале XX вв. он застал характерные для мануфактурной стадии развития производства формы овладения профессией, в основе которых лежал опыт. «Царем и богом домны, — вспоминал П. П. Ермаков, — был доменный мастер. До 1897 г. в его действия не смели вмешиваться ни управитель, ни надзиратель завода. Свое автономное положение доменные мастера сохраняли благодаря незнанию управителями качеств местных руд и их правильной шихтовки, а также благодаря отсутствию даже самой примитивной лаборатории для анализа руд. Мастера, приобретя в течение многих лет искусство плавки руд, знали тайну шихты и, ни с кем не делясь, крепко ее держали про себя... Петухов Илларион Михайлович был совершенно безграмотный человек... управлял домной по ее выходящему газу. Поглядит иногда утром с похмелья в окно и говорит своей жене: “Марья, беги к подмастерью, пусть переменит сыпь, а то, видишь, окаянные без меня домну испортили”. И передает ей на словах: пусть сыплют кырменской столько-то пудов, вороновской, висимской, березовской по столько-то и флюсу сбавят, угля добавят мерку или полмерки».¹⁵

В еще большей степени от чувственно-эмпирического познания зависели вспомогательные отрасли производства. В своих воспоминаниях П. П. Ермаков коснулся двух из них — горных разработок и углежжения. Об умении искать рудные залежи он пишет следующее: «Нужно было знать контактовые породы железных руд, так как руду разыскивали “щупами”. Щуп — это железный стержень от одной до двух сажен длины и три четверти дюйма толщины. Он имел наваренный стальной заостренный наконечник четырехгранной формы с прорезанными желобками по граням. Эти желобки назывались “голосками”. Они давали знак о присутствии в земле руды посредством коричневого осадка в них при проходе рудного тела... Самобытные геологи-разведчики изучали на слух, какие звуки раздаются при прохождении той или иной

горной породы, и запоминали их. Звуки при прохождении железной руды называли “голком”, от слова “голос”, это значило — руда голос подает».¹⁶

При разработке рудных месторождений в дело вступали другие умения и навыки: «Работа в забое требовала не только наличия физической силы, но и понимания, как строятся горные породы, чтобы знать, с какой стороны подойти к разборке пород. Нужно так разбирать или копать кайлом, чтобы не потерять слоев строение и все время держать их на виду».¹⁷

Постоянное совершенствование мастерства было залогом получения угля, по образному выражению, «звон-звоном». Согласно наблюдениям П. П. Ермакова, «для правильного регулирования огня у основания кучи в радиальном направлении устраивались “окна”, точнее канавы, посредством которых жигарь перегонял огонь, куда хотел. Открывая “окна” на одной стороне, он забивал их на другой. В силу тяги воздуха огонь кочевал по куче по воле жигаря. Определение готовности процесса требовало большого практического опыта. Жигари, как и доменные мастера, определяли химический процесс “на-глазок” — судили о готовности по запаху газа, выходящего из кучи через покрывающую ее землю. Опытный жигарь пройдет вокруг кучи и заключит про себя: “Как будто, тово, куча сухо дышит, пора ее забивать”».¹⁸

Профессиональная подготовка предполагала передачу основных прикладных знаний от мастера к воспитаннику непосредственно на производстве. Полученный в процессе ученичества и приумноженный в ходе многолетних занятий опыт оставался «личной собственностью» рабочего. В. В. Блажес справедливо подметил, что трудовой опыт был единственным богатством, принадлежащим рабочему, и той ценностью, которую он мог оставить детям.¹⁹ Заводскую администрацию, напротив, при решении вопросов подготовки кадров интересовало наличие у мастера такого опыта, а не его родственные связи. Поэтому в качестве учеников и учителей выступали посторонние друг другу люди. При такой системе передача профессиональных знаний по наследству становилась делом случая.

¹⁶ Там же. С. 30, 31.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 72.

¹⁹ Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987. С. 14, 15.

¹⁴ Там же. С. 326.

¹⁵ Ермаков П. П. Воспоминание горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 48, 49.

С точки зрения носителя производственного опыта узурпация права самому решать, кому его передать, усиливала принудительность профессионализации в горнозаводской промышленности Урала. Рабочие рассматривали свои знания, умения и навыки как ресурс, за который с первых лет существования заводов они боролись (и не безуспешно) с управленцами. Документ 1724 г. рекомендовал администрации казенных заводов «возрастных мастерских детей распределять к ремеслам, понеже как довольно через практику усмотрено, что определенные ис крестьянства к ремеслам рекруты не так скоро ко оным обучены бывают для того, что мастера не столько радательно обучают, как сына своего и свойственника».²⁰ Принцип: дети мастеровых «после отцов заводское искусство на себя приемлют» просуществовал с начала XVIII до начала XX вв. Его действие П. П. Ермаков испытал на себе. Вопросы профессиональной подготовки на уральских заводах далеко не случайно стали сквозной темой его воспоминаний. Происходил он из семьи потомственных рабочих, рано потерял отца, а после переезда семьи в поисках средств пропитания на другой завод начал свою трудовую деятельность без поддержки родственников и должен был приобретать рабочую сноровку сам. «Пришлось обучаться приемам работы кайлом, лопатой, топором, кувалдой и лесорубной пилой, — вспоминал он. — Старые рабочие знали это, но нас, подростков, редко кто посвящал в тайну работы мышц».²¹

«Когда я попытался в 1896 г. попроситься учеником в слесарку, — рассказывал П. П. Ермаков, — то получил от управителя завода инженера Лупанова ответ: “Ничего, голубчик, не получится, никто из слесарей учить тебя не будет, у них свои дети!”».²² Под «они» подразумевалась так называемая «мастеровщина» — замкнутая группа, в которой рабочая специальность передавалась по наследству. «Они настолько ревниво охраняли секреты своей профессии, — удивлялся мемуарист, — что даже не позволяли смотреть, как они делают». Проникнуть в эту среду до середины 90-х гг. было почти невозможно. Даже при росте потребности в квалифицированных рабочих попасть к ним в ученики при

отсутствии родственных связей с ними было трудно.²³

Компромиссом между родством и производством стало появление высококвалифицированных работников, подлинных мастеров своего дела. Длительное освоение профессии и совершенствование в мастерстве, привычка к промышленному труду и образу жизни делали из них людей, на которых держалось все производство.

Противостоять «профотбору» по родственным связям в какой-то мере могло обучение профессиям за школьной скамьей. Вопрос этот возник с момента появления заводов. Промышленный труд потребовал грамотного, инициативного, трудолюбивого работника, воспитать которого была призвана особая система образования. Сложные технические средства, применявшиеся в мануфактурном металлургическом производстве (гидротехнические сооружения, рудо- и водоподъемные механизмы, воздуходувные устройства, технологические машины), предполагали наличие значительного слоя людей, способных обслуживать и поддерживать данные механизмы, приспособлять их к производству и внедрять новые. Развитие светской профессиональной школы, возникшей на заводах в 1720-е гг., должно было в короткий срок обеспечить горнозаводскую промышленность необходимым числом подобных специалистов. Владельцы Нижнетагильского округа также были не против обучения рабочих, чтоб те «могли, записывая и читая наставления, всякие работы и ремеслы с лучшими выгодами и пользой производить».²⁴ В начале XIX в. горное ведомство приступило к возрождению школ, решая ту же самую задачу «приготовления мастерских детей быть хорошими штейгерами, плотинными, меховыми и прочих заводских ремесел мастерами».²⁵

Массовой профессиональной школы на горнозаводском Урале так и не сложилось, хотя в пореформенный период получение начального образования стало фактором профессионального роста рабочих. Пермское земство, проведя в начале XX в. специальное

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Пензин Э. А. Из истории екатеринбургских школ в 1720–1730 гг.: (По документам Екатеринбургского обербергамта) // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 126–128.

²⁵ Черноухов Э. А. Возрождение сети казенных горнозаводских школ на Урале в начале XIX века // Вторые уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 34, 36.

²⁰ Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII веке. М., 1985. С. 140, 141.

²¹ Ермаков П. П. Указ. соч. С. 35.

²² Там же. С. 48.

исследование, аналогичное современному социологическому опросу, на тему «народная школа и значение грамотности», пришло к заключению, что «по самим условиям приложения заводского труда грамотность является положительной необходимостью, не говоря уже о большей продуктивности работы грамотного перед неграмотным человеком». По его наблюдениям, «некоторые из заводов стараются, при громадном предложении рабочих рук, принимать на службу преимущественно людей грамотных. Такое предпочтение служит серьезным побудительным мотивом для заводского жителя отдавать своих детей в школу». Взгляды заводского населения на пользу грамотности довольно верно переданы в сообщении корреспондента из Михайловского завода Красноуфимского уезда: «Грамотный... даже если будет слесарем, токарем, кузнецом, листопробивным, катальным, столлярком и тогда ему легче освоиться с делом, вместо памяти может записать, да и, наблюдая во время работы неполадки и удачу, запишет, отчего так было, а затем, записавши, может после справиться, как нужно делать, чтобы было ладно».²⁶ Широкому распространению технических знаний в горнозаводской среде способствовало также то, что «со време-

ни объявления труда вольным, рабочий стал больше обращать внимания на качество его», поскольку от этого зависело «не малое уже увеличение платы».²⁷

Горнозаводская промышленность оказалась полигоном для испытания режимов функционирования различных рабочих профессий. Широкий набор специальностей не приводил автоматически к их свободному выбору. Какими бы ни были перипетии профессионализации, она оставалась принудительной. Семья (шире — родственная группа) или производство действовали, не сообразуясь с желаниями индивида. Тем ценнее размышления трудящихся горнозаводской промышленности на эту тему. В 1891 г. рабочие Нижнетагильского завода писали, что «не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огненную работу». «Для получения благоприятных результатов, — подчеркивали они, — требует от рабочих людей, кроме интенсивности труда, еще знание техники дела, сноровку, выдержку, практику и вообще, так сказать, осмысленное понимание своей профессии».²⁸ Пожалуй, в этом высказывании перечислены все составляющие успешной профессиональной деятельности в металлургической промышленности.

PROFESSIONALIZATION OF THE FACTORY POPULATION OF THE URAL IN THE 18TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article deals with the social state based professionalization in the mining industry of the Ural in the 18th — early 20th centuries focusing on the role of the family and work environment in acquiring of the occupational skills by the people. The author shows the process of the occupational knowledge transfer from generation to generation and the increase of the share of hereditary workers in the population. On-the-job and classroom patterns of occupational training are compared.

Svetlana V. Golikova

²⁶ Бобылев Д. Народная школа и значение грамотности в отзывах крестьян // Сборник Пермского земства. 1901. № 2. Отд. 3. С. 14, 15.

²⁷ Попов М. Я. Материалы для ознакомления с условиями быта горнозаводского населения на Урале // Сборник Пермского земства. 1876. Кн. 4–6. С. 110.

²⁸ Положение рабочих Урала... С. 435.